

Предвыборные кампании (особенно в I и II Думы) изучены более или менее обстоятельно. Однако что происходило с партийной работой после завершения избирательных кампаний? Ясно, что политические партии (правда, с разной степенью интенсивности) стремились поддерживать своих сторонников «в строю». Между тем ещё далеко не полностью использован круг источников по этой проблеме: центральная и региональная пресса различных политических партий, их листовки и воззвания, официальная и личная переписка между вышестоящими и нижестоящими партийными структурами и т.д. Историки традиционно уделяли большое внимание противостоянию политических партий как между собой, так и с исполнительной властью. Но что можно сказать об их взаимодействии? В этом плане важно показать формальные и неформальные отношения партийных функционеров друг с другом и с чиновниками, раскрыть каналы их взаимовлияния и механизмы формирования различных «блоков».

Первая русская революция стала первым и принципиально важным этапом деятельности политических партий. Каждая из них смогла продемонстрировать своё «лицо», потенциальные возможности. Уже в ходе революции часть партий, прежде всего «классовых» (помещичьих и торгово-промышленных), вынуждена была навсегда покинуть политическую арену или войти в состав других, более широких. Очевидной была дифференциация внутри кадетов, октябристов, социал-демократов, эсеров и анархистов, которая свидетельствовала о том, что процесс формирования партий ещё очень далёк от завершения.

Тем не менее, пройдя горнило революции, общероссийские и национальные политические партии приобрели разносторонний опыт практической деятельности. Однако в ходе революции стала очевидной их слабая укоренённость в российском социуме. Все они имели по преимуществу интеллигентский характер, были ориентированы на постановку и решение не «классовых», а именно общенациональных задач. В условиях нерешённости вопроса о пути национального развития, незаконченного перехода к правовому государству и гражданскому обществу, молодые партийные институты оказались перед вызовами, отвечать на которые далеко не все они оказались готовы.

«Партия здравого смысла»? Либералы-центристы в начале XX в.

Нина Хайлова

«A party of common sense»? Liberal centrists in the early twentieth century
Nina Khailova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

В истории российской многопартийности начала XX в. общепризнан факт идейной неоднородности каждого из основных направлений общественно-политической мысли (консервативного, либерального и социалистического). Однако центристское течение в русском либерализме, впервые заявившее о себе в

период революции 1905–1907 гг., до сих пор не осознано как особое явление в политической жизни страны. Непрояснёнными остаются как идейные истоки, так и основные этапы его эволюции. Для современников феномен центризма применительно к партийно-либеральной среде был очевидностью, но сегодня русские либералы начала XX в. обычно ассоциируются с такими общероссийскими партиями, как кадеты и октябристы, причём, как правило, без «лишних» подробностей о принципиальных различиях между ними. Ещё меньше внимания уделяется представителям центристского течения, занявшим нишу между упомянутыми флангами в либеральном движении и составившим своего рода «центр центра».

Первым заметным опытом организационного оформления либералов-центристов в 1906 г. стали партии демократических реформ (ПДР) и мирного обновления. Их лидеры предлагали уходить от политических штампов, закрепляющих традиции конфронтационной политической культуры. Так, М.М. Ковалевский, примкнувший к ПДР, говорил, что её нельзя считать ни правым крылом кадетской партии, ни левым крылом октябристской. «Наша партия – просто партия здравого смысла, – заявлял он, – в том значении этого слова, что она признаёт необходимым считаться с историческим прошлым». Даже слово «либерал» идеологи либерального центризма нередко закавычивали, подчёркивая его условность применительно к России. Более адекватным им представлялось обозначение «прогрессист»¹. Поэтому не случайно и новая партия, возникшая в 1912 г. в русле данного течения общественно-политической мысли и практики, получила название «Партия прогрессистов». Фактически, по замечанию известного историка И.С. Розенталя, «прогрессизм» был шире либерализма, а под словом «прогрессист» в России той поры подразумевались не только члены одноименной партии, но и все те, кто, не приемля косности и застоя, выступали в поддержку демократических реформ². Вполне закономерно, что именно либералы-центристы ещё в 1906 г. первыми начали активно «продвигать» идею создания конституционного центра, которая была реализована в 1915 г. в IV Государственной думе в лице Прогрессивного блока.

Центристы считали неприемлемым любое «закрепощение» личности (кружком, партией, доктриной), тем более с сопутствующими этому фанатизмом и нетерпимостью. Они искренне верили в то, что даже противоположные взгляды, переходя на реальную почву, начинают сближаться. Отсюда настрой центристов на общественную солидарность, идейная открытость, толерантность, недогматическое мышление, понимание того, что при прогнозировании будущего важно учитывать многовариантность и непредсказуемость исторического процесса. Всё это нередко обуславливало их положение «над схваткой» в политических баталиях. Характерен в связи с этим отзыв П.Н. Милюкова о Ковалевском: «Если он не отрицал ни социалистического, ни “буржуазного” взгляда на задачи настоящего и будущего, то это потому, что, оставляя будущему решение принципиального спора между обоими мировоззрениями, он в настоящем объединял их в общем “западническом” взгляде на сущность и

¹ Согласно российским словарям до 1917 г., прогрессисты – «поборники прогресса», трактуемого как «развитие человечества на пути к более или менее отдалённым целям – достижению разумной свободы, истины и всеобщего блага», это – либералы «с радикальным оттенком» (в силу присущего им стремления «произвести коренные реформы»), чьи партии (например, в Германии, Испании) занимали «середину между либералами и радикалами».

² См.: Розенталь И.С. Прогрессист Голицын и его дневник // Россия–XXI. 2007. № 4. С. 125.

направление нашей общественной эволюции... Смотри на меняющийся калейдоскоп жизни поверх текущего момента, Ковалевский... твёрдо держал общее направление, зная, куда идёт дорога»³.

В основе тактики либеральных центристов лежала нацеленность на мирное обновление, а потому – категорическое отрицание насилия и террора. Отсюда и последовательное, безусловное осуждение ими как кадетских «поклонов налево», так и правительственных репрессий. «Только то правительство твёрдо, когда оно управляет страной политически, а не полицейски», – подобного рода предостережение, адресованное «верхам», не раз и задолго до Первой русской революции раздавалось со страниц «Вестника Европы» М.М. Стасюлевича, члена организационного комитета ПДР. В то же время журнал постоянно призывал наиболее радикальных оппонентов власти к сдержанности: «Крупный исторический результат не может быть достигнут усилиями одного лица... и устранением одного лица с исторической сцены. Порядок вещей, созданный веками, имеет слишком много точек опоры, чтобы разом пасть вместе с одною из них, хотя бы и самую главную»⁴.

Ещё одна черта идеологии либерального центризма – признание культуры, науки и образования главными двигателями общественного прогресса. Цель, которой посвятили себя центристы, – своего рода «изобретение традиций» (Э. Хобсбаум) для новой России, вживание в ткань её культуры традиций общественной солидарности, толерантности, самоуправления, свободного труда и т.д.

Стоит заметить, что у идеологов либерального центризма был весьма критический взгляд на опыт партийного строительства периода Первой русской революции. Считая, что западная партийная система переживает кризис, они делали вывод о бесперспективности перенесения её на русскую почву. По мнению кн. В.М. Голицына, бывшего московского городского головы, а в 1906 г. – председателя московского Клуба независимых (близкого к «мирнообновленцам»), «новорожденная» российская многопартийность принесла больше вреда, чем пользы: «Правительство и враждебные ему партии одинаково забыли Россию... Наши партии оказываются сильными в отрицании ненавистного или враждебного им, во взаимных пререканиях и т.д. Спрашивается: если которая из них призвана была бы к власти, что будет? Прежде всего, будет гонение на всё, что не подходит под её понятие»⁵.

Вместе с тем центристы не исключали того, что феномен политической партии может обрести второе дыхание. «России нужны партии или по крайней мере партия, которая, служа серьёзно и искренно делу политической свободы, вместе с тем была бы глубоко проникнута духом государственности», – писал в 1911 г. А.М. Рыкачев, сподвижник П.Б. Струве, как и он, близкий к центристскому течению в русском либерализме. Именно эта идея была заложена в основание партий демократических реформ, мирного обновления и прогрессистов. Все они были своего рода экспериментами по созданию массовой партии нового типа как своего рода «сетевой» структуры – с гибкой системой членства, без строгой партийной дисциплины, с гибкой и неформальной системой лидерства.

³ М.М. Ковалевский. Учёный, государственный и общественный деятель и гражданин. Пг., 1917. С. 109.

⁴ Вестник Европы. 1880. № 3. С. 399.

⁵ ОР РГБ, ф. 75, д. 26. л. 149.

Отказ властей зарегистрировать ПДР в официальном порядке побудил одного из лидеров центризма К.К. Арсеньева (который был также одним из основоположников русской адвокатуры) выступить в печати с резкой критикой подобной практики: «Утверждение партии правительством – явный абсурд, как потому, что правительство является здесь судьёй в собственном деле, так и потому, что отказом в утверждении не прекращается, а лишь затрудняется деятельность партии». «Все партии законны; незаконными могут быть только действия, – утверждал Арсеньев. – Устранить аномалию, тяготеющую над нашей политической жизнью, могут не усилия партий добиться внесения в закрываемый перед ними реестр, а признание, хотя бы и запоздалое, что партии как таковые официальной регистрации не подлежат. Реестр партий с правдивой их оценкой может быть составлен только историей»⁶.

Отвечая оппонентам, утверждавшим, что требование легализации – необходимое и законное орудие борьбы против «разрушительных» партий, угрожающих основам общества и государства, Арсеньев настаивал: «Все мнения имеют право на существование; государство, переставшее быть полицейским, может реагировать силою только против *действий* или против слов, равносильных действиям. Ни в одной цивилизованной стране нельзя безнаказанно и беспрепятственно призывать к совершению преступлений, к вооружённому восстанию, к немедленному ниспровержению действующего порядка – но везде можно проповедовать учения, последним словом которых является в более или менее отдалённом будущем полнейший переворот в государственном и общественном строе. Русское ухо ещё не привыкло к такой проповеди. Но должно привыкнуть к ней, раз бесповоротно решён разрыв с абсолютизмом. Пора освободиться от страха перед названиями и кличками; пора понять, что социал-демократов и социалистов-революционеров не станет меньше от отказа признавать их существующими. Пример Германии доказывает с достаточной ясностью, что уравнивание всех партий перед законом не обостряет, а смягчает пропаганду, идущую слева, и уменьшает опасность, которую она грозит современному государству»⁷.

Сочетание стремления к политической свободе с не менее глубокой и настойчивой проповедью социальных преобразований являлось характерной чертой взглядов будущих основателей ПДР ещё в первые пореформенные десятилетия. Претендуя на наследование опыта Великих реформ Александра II, они указывали на неотложность решения проблемы крестьянского малоземелья и недопустимость насильственного устранения общинных порядков. В этом смысле инициатор создания ПДР и автор её экономической программы, а впоследствии член ЦК Партии прогрессистов, известный учёный-экономист А.С. Посников не раз подчёркивал преемственность своих взглядов с идеями А.И. Герцена и революционеров-демократов. Раньше, чем кадеты, организаторы ПДР дали чёткий и определённый ответ по поводу коренных принципов решения аграрного вопроса, которые в апреле 1906 г. определили и содержание соответствующего раздела кадетской программы. Западноевропейская «формула прогресса» не может быть универсальной – это убеждение лежало и в основе их отношения к кустарной промышленности. Либералы-центристы обосновывали необходимость её государственной поддержки. Член ПДР В.Г. Яроцкий ещё в 1890-е гг. стал в России одним из «первопроходцев» в постановке вопроса

⁶ Арсеньев К.К. Легализация партий // Страна. 1907. № 4. 5 января.

⁷ Вестник Европы. 1907. № 1. С. 353–354.

о социальной ответственности бизнеса. Незадолго до Первой мировой войны свой вклад в дискуссию по этому вопросу внёс и Рыкачев, полемизировавший с М.И. Туган-Барановским, П.А. Сорокиным, М.О. Гершензоном⁸.

Центристское течение в русском либерализме прослеживается вплоть до 1917 г. К этому времени оно претерпело определённую эволюцию, испытав влияние лидеров новой генерации – в лице «молодых» московских капиталистов (П.П. Рябушинского, А.И. Коновалова), председателя фракции прогрессистов в III и IV Думах И.Н. Ефремова и др. Различия во взглядах между ними и «патриархами» течения проявились (особенно после начала Первой мировой войны) не только в вопросах тактики, но и в подходах к решению национальных проблем. В частности, Арсеньев с тревогой наблюдал за попытками создания в России национал-либеральной партии. Он предупреждал Струве и его соратников, что ничего хорошего из «национализации русского либерализма» не выйдет, поскольку либерализм в конце концов будет поглощён национализмом.

Опыт российских либералов-центристов начала XX в. дополняет и уточняет представление о русском либерализме и, на мой взгляд, может способствовать реабилитации самой идеи либерализма, во многом дискредитированной в постсоветской России.

⁸ См.: Хайлова Н.Б. Центристская модель модернизации российской экономики в начале XX века. М., 2013.

Революция 1905–1907 гг. и положение политических заключённых в России

Алла Морозова

The revolution of 1905–1907 and political prisoners in Russia
Alla Morozova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

В настоящее время нет единого понимания термина «политический заключённый», и он применяется как в широком, так и в узком смысле. В России в XIX – начале XX в. существовал официальный статус политического заключённого. В XIX в. он определялся «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных», в 1903 г. было принято новое Уголовное уложение, содержащее статьи, предусматривавшие ответственность за политические преступления (например, участие в скопище, собравшемся для выражения неуважения к верховной власти, порицания образа правления, сочувствия бунту или бунтовщикам, произнесение речи, составление, хранение, правка сочинений, возбуждающих к неповиновению власти (ст. 129, 132) и др.)¹.

© 2016 г. А.Ю. Морозова

¹ ПСЗ-III. Т. 23. СПб., 1905. № 22704. С. 175–274.